

чает именно юг Франции. В контексте данного исследования оба термина относятся к одним и тем же территориям и потому могут рассматриваться как синонимы.

⁴ Выраженная ассоциация себя с Алжиром может быть характерна как для французов-репатриантов, так и для алжирских арабов и берберов.

⁵ В значении “гражданин Франции”.

⁶ “*riéd poig*” – репатрианты из Алжира.

⁷ Исследования “Повседневная жизнь и здоровье” и “Изучение семейной истории” были проведены одновременно с переписью населения 1999 г.

Перевод с французского Е.И. Филипповой

F. Guérin-Pace. Where Do We Come From? On Spatial-Geographical Identity of People in France

The article presents an analysis of the data obtained as a result of “Histoire de vie” research project, which was conducted in 2003 in France. The author focuses on spatial and geographical aspects of identity, as well as factors influencing the formation of the sense of connection of a person to a particular territory. She argues that migration experience noticeably stands out among such factors, demonstrates the preponderance of spatial identification at the local level, and determines the regions that appear especially attractive in terms of the identity formation.

© ЭО, 2005 г., № 5

Е.И. Филиппова

**ИНТЕРВЬЮ С ФРАНС ГЕРЕН-ПАС
И ИЗABELЬ ВИЛЬ**

Париж–Москва, февраль–март 2004

Елена Филиппова: Уважаемые коллеги! Вы участвовали в разработке программы общенационального исследования “История жизни”, реализованного Национальным статистическим институтом и его партнерами¹ весной 2003 г. Исследование было посвящено формированию идентичностей. Обращение статистиков к этой теме выглядит на первый взгляд неожиданным и вызывает вопрос относительно правомерности их вторжения в столь интимную и частную сферу жизни населения, для исследования которой, казалось бы, более приспособлены этнологические методики. Чем объясняется этот интерес и внимание к проблеме идентичности?

Изабель Виль: Идентичность индивида есть совокупность его разнообразных, но взаимосвязанных ролей, статусов, принадлежностей, социальных функций. В этом смысле идентичность и интеграция представляют собой внутреннее и внешнее проявление одного и того же процесса – процесса обретения человеком своего места в обществе. Проблема интеграции, до настоящего времени рассматривавшаяся в ос-

Елена Ивановна Филиппова – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Франс Герен-Пас (Guérin-Pace) – руководитель лаборатории критики источников и методов Национального института демографических исследований, Париж.

Изабель Виль (Ville) – социальный психолог Центра исследований медицины, науки, здоровья и общества, сотрудник Высшей школы социальных исследований, Париж.

новном применительно к иммигрантам, в действительности становится актуальной для все более многочисленных категорий населения, которые испытывают трудности в самоопределении.

Е.Ф.: Термин “идентичность” стал в наши дни общеупотребительным. Однако его содержание далеко не очевидно. В социальных науках можно найти множество определений идентичности, существенно отличающихся друг от друга в зависимости от дисциплины, научного направления и пр. Поэтому, прежде чем начать разговор собственно об исследовании, мне хотелось бы уточнить, какой смысл вы вкладываете в это понятие?

И.В.: В данном исследовании идентичность понимается в самом широком смысле – как представление индивида о самом себе. Она существует в конкретном социально-историческом и культурном контексте. Представления о личности и различные “Я-концепции” конструируются исторически в соответствии со способом организации общества.

Е.Ф.: Важная часть исследования посвящена изучению отношений человека к различным местностям, где ему довелось жить, к траектории его передвижений, к различным пространствам, “множественным, раздробленным, разнообразным, всех сортов и всех размеров, на все случаи жизни” (*Perec* 2000: 15–16), тем пространствам, в которые вписаны наша история и наша повседневность, наши мечты и проекты. Что вы рассчитываете увидеть через призму географических траекторий индивида?

Франс Герен-Пас: Население становится все более мобильным, касается ли это наших ежедневных перемещений или “жизненного пути” в целом. Люди передвигаются все чаще и на все более далекие расстояния. Переезд на жительство за границу уже не представляется столь глубоким разрывом с прежней жизнью, как в прошлые времена, а индивидуальные географические траектории становятся все более сложными. Рост территориальной мобильности видоизменяет отношение индивида к пространству и его привязанность к месту. Эти пространственные связи варьируют от предельно локализованных до более общих. Для менее мобильного населения важным кажется, например, понятие соседства, люди соотносят себя с определенной местностью – кварталом, регионом (административным или каким-либо иным). Напротив, для людей, отличающихся высокой мобильностью, место как таковое оказывается не столь существенным. Более значимыми могут быть другие линии разделения: человек ощущает себя горожанином или сельским жителем, парижанином или провинциалом, северянином или южанином, иностранцем или нет. Парадоксальным образом тенденция к унификации, являющаяся следствием глобализации, сопровождается возрождением локальных или региональных идентичностей.

Усложнение социальной обстановки часто связано с разрывами индивидуальных пространственно-географических, семейных и профессиональных траекторий. Они тем менее стабильны и линейны, чем более разнообразные социальные роли приходится исполнять индивидам в различных ситуациях. Отныне принадлежность к той или иной социальной категории, политической или религиозной группе уже не достаточна ни для того, чтобы определить место человека в обществе, ни для того, чтобы составить основу его индивидуальности. Индивидуальная географическая траектория и смысл, придаваемый тем или иным локусам пространства, – будь это места, где человеку довелось жить или работать, или даже местности, существующие лишь в его воображении, – составляют важный элемент для понимания поведения и социальных координат личности.

Е.Ф.: Расскажите, пожалуйста, о технике исследования. В чем его специфика?

Ф.Г.: Разработать вопросник для изучения идентичности населения, живущего на французской территории, – задача непростая. Традиционные методы не позволяли этого сделать, поэтому потребовалась определенная подготовительная работа, чтобы создать принципиально новый инструментарий.

Первая фаза исследования – качественная – предусматривала сбор интервью², с помощью которых предполагалось решить две специфические задачи: зафиксировать, во-первых, формы идентичности, спонтанно называемые респондентами, во-вторых, – многообразие тем, связанных с идентификацией, и их возможное взаимодействие.

В соответствии с этими целями было решено, что интервью должны носить самый общий характер и быть по возможности свободными. Из опасений, чтобы различные коннотации, связанные с термином “идентичность”, не повлияли на ответы респондентов, от его употребления решили отказаться. Интервью начиналось следующим вопросом: *“В самом общем виде, могли бы Вы мне сказать, как Вы себя определяете? Можете ли Вы описать, что Вы за человек?”*. Полученные ответы использовались затем интервьюером, который должен был уточнить, каким образом каждая из названных характеристик позволяет опрашиваемому определять себя.

Е.Ф.: Какого рода ответы были получены?

И.В.: Анализ спонтанных ответов на вопрос, которым начинается интервью, позволил выявить три различных формы самоидентификации. Наиболее распространенная – идентичность “внешняя”, статусного типа (по терминологии Дюбара) (Dubar 2000). Идентичность “внутренняя”, т.е. основанная на личной истории, а не на положении в обществе, может, в свою очередь, принимать две формы: психологическую и нарративную (описательную). Первая устанавливает “основные” характеристики респондента, часто это черты характера или личные склонности, объясняющие манеру поведения человека в обществе и его взаимоотношения с окружающими. Нарративная форма идентичности конструируется на основе хронологии повседневной деятельности и контактов личности как члена социума. Ее результатом является автобиография, рассказ о себе. Интервью отражает в данном случае цепь событий, соединенную причинно-следственными связями.

Эти три подхода могут в той или иной степени сосуществовать. Нередко человек определяет себя в основном исходя из социальной принадлежности, чаще всего профессиональной и семейной, добавляя к этому черты характера, которыми он объясняет свои взаимоотношения с окружающими в той или иной сфере общественной жизни. Точно так же самоидентификация, преимущественно психологическая, может обогащаться биографическими элементами (обычно событиями, пережитыми в детстве, которые объясняют нынешние стремления или желания). Тем не менее, в каждом интервью одна из форм идентификации явственно доминирует.

Е.Ф.: Если же рассматривать всю совокупность интервью, то, как вы отметили, первая форма, т.е. “внешняя” идентичность, абсолютно преобладает...

И.В.: Выходу на первый план статусной идентичности (самоидентификации через административные категории или социальные роли), в ущерб психологической и нарративной формам, которые затрагивают более глубокие аспекты личности, безусловно, способствует сама ситуация интервью. Изучение взаимодействия этих трех регистров самоописания позволяет понять, каким образом “внутреннее Я” скреплено с социальной принадлежностью и личным опытом.

Е.Ф.: Если говорить о социально-статусных характеристиках, какие из них упоминались чаще других?

И.В.: Это, прежде всего, семейно-родственные связи, как по восходящей или нисходящей, так и по горизонтальной линии. Работа также очень часто выступает в качестве средства самоидентификации, даже если человек уже (или еще) не работает.

Контакты, сравнение с другими – не менее распространенная тема. Часто упоминались также географическое происхождение, привязанность к определенной местности, приверженность определенному роду деятельности – например, занятиям коллективными видами спорта или путешествиям. Наконец, состояние здоровья в

случаях, когда оно представляет собой проблему, также может становиться важным вектором самоидентификации.

Е.Ф.: Очевидна различная природа названных форм принадлежности: одни являются скорее результатом личного выбора, другие в определенной мере представляют собой фактическую ситуацию. Объясняется ли этим различием роль каждой из них в конструировании идентичности?

И.В.: Иерархия различных форм принадлежности может быть выявлена на основе ценности, приписываемой каждой из них. Человек может отдавать предпочтение тем или иным формам принадлежности, настаивать на них, в то время как другие могут существовать лишь как принадлежность *de-facto*. Для каждой темы самоидентификации, затронутой в исследовании, мы стремились соблюсти равновесие между объективной, четко определенной принадлежностью и ее субъективной ценностью, которая позволяет превратить фактическую принадлежность в средство утверждения собственной идентичности.

Е.Ф.: При каких условиях определенные точки индивидуальной географической траектории приобретают особую важность с точки зрения формирования идентичности?

Ф.Г.: Упоминание тех или иных местностей, на первый взгляд – достаточно нейтральная тема, в действительности позволяет судить отнюдь не только о культурных корнях респондента и связанных с ними ценностях. Привязанность к определенной местности иногда может выявлять, по ассоциации, другие источники самоидентификации, не менее существенные, но труднее выражаемые словами. Неотделимые от важнейших моментов формирования идентичности, легко воскрешаемые в памяти эмоционально окрашенные образы пространства представляют собой ценный инструмент для понимания всего комплекса тем, связанных с идентичностью.

Е.Ф.: Марк Оже писал по этому поводу: “некоторые места настолько связаны с определенными периодами моей жизни, что достаточно лишь подумать о них, или услышать их название, чтобы мысленно перелистать мои воспоминания, как альбом с фотографиями...” (*Auge* 1986: 8).

В контексте интеграции индивида в общество мне кажется важным отличать от остальных случаи, когда респондент, отвечая на исходный вопрос анкеты: “Откуда Вы?” называет место, где он живет в настоящее время. Не кажется ли вам, что стремление человека идентифицировать себя с местом, где он жил когда-то в прошлом, или где он только хотел бы жить, свидетельствует об определенных проблемах с интеграцией, в широком смысле этого слова?

Ф.Г.: Да, пожалуй. Так, например, место, где человек провел детство, может ассоциироваться с особенно счастливым периодом жизни, когда он был окружен любовью близких или пользовался каким-то особым статусом (например, благодаря положению в обществе его родителей). Воспоминание об этой местности вызывает ностальгию и создает контраст с нынешним местом жительства, если оно является источником неудовлетворенности.

Е.Ф.: Принято различать в процессе формирования идентичности два взаимосвязанных механизма: самоидентификацию индивида и идентификацию его окружающими, своего рода навязывание идентичности. По мнению А. Маалуфа, «принадлежность индивида к определенной группе формируется преимущественно под влиянием других: во-первых, его близких – родственников, друзей, соотечественников, единоверцев – которые видят в нем своего, и, во-вторых, – членов других групп, которые исключают его из разряда “своих”» (*Maalouf* 1998: 33). Учитываете ли вы этот аспект в своем исследовании?

Ф.Г.: Действительно, личность самоопределяется, в том числе, благодаря взгляду со стороны, под влиянием окружающих их, более или менее негативных культурных представлений, связанных с ее определенными характеристиками. Однако этот ас-

пект, связанный с поведением и взглядами других, в меньшей степени представлен в нашем исследовании – возможно, потому, что его труднее уловить. Для нашей проблематики важнее не объективность этого взгляда или поведения, а то, каким образом индивид все это воспринимает, какую роль играет мнение других в конструировании его личности. Здесь также необходима определенная методика, которая позволит по возможности объективировать различные установки и формы поведения, типы ситуаций, в которых они возникают, переживания, связанные с этими ситуациями, и их вероятные последствия.

Е.Ф.: Сбор интервью, по существу, был подготовительной фазой исследования. Как выглядела его основная фаза, т. е. сбор количественных данных?

И.В.: Эта подготовительная, качественная фаза исследования демонстрирует сложность и многообразие способов самоидентификации, которые выходят далеко за рамки принадлежности к тем или иным группам или исполнению различных социальных ролей. Опрашиваемые при помощи разнообразных логических построений пытаются сконструировать некую целостность, с одной стороны, более или менее осознанно и добровольно относя себя к какой-либо группе, ценности которой они разделяют, а с другой – опираясь на собственную жизненную историю, насыщенную всевозможными событиями, которые определяют их индивидуальность. Не претендуя на то, чтобы собрать богатые количественные данные, мы старались построить вопросник таким образом, чтобы учесть эту сложность и чтобы дать возможность респондентам, отвечая на вопрос об их субъективном самоопределении, осмыслить их положение в социальном пространстве, а также те или иные события их жизненного пути.

Анализ интервью навел нас на мысль о том, чтобы разделить анкету на четыре части. Первая – хронологическая, посвященная реконструкции жизненного пути респондента; во второй части содержатся вопросы о социальных ролях опрашиваемого и его принадлежности к различным группам; третья часть рассматривает идентичности, формирующиеся благодаря внешнему влиянию; наконец, четвертая, заключительная часть, как бы синтезирует три предыдущие, объединяет отдельные составляющие процесса идентификации в одно целое.

Е.Ф.: Какие методики вы использовали?

Ф.Г.: Для изучения нарративных форм идентичности в нашем распоряжении был специфический инструментарий, который позволяет выстраивать индивидуальные жизненные траектории, опираясь на различные события. Речь идет о биографических таблицах, которые уже доказали свою эффективность в ходе предыдущих исследований. Эти таблицы значительно облегчают работу, иногда весьма утомительную, связанную с восстановлением в памяти дат и событий. Вопросник, который мы использовали в нашем исследовании, начинается с занесения в таблицу важнейших событий семейной жизни респондента: рождение, вступление в брак, развод, рождение детей, смерть супруга, родителей и пр. События, связанные с семьей, легко поддаются датировке и дают возможность более или менее точно восстановить даты других событий – в частности, перемен места жительства, так как часто они служат причиной миграции. Для выполнения основной темы исследования нам не требовалась исчерпывающая фиксация всех переездов с квартиры на квартиру, а только тех, которые были связаны со сменой населенного пункта. Следующий этап – восстановление профессиональной траектории, которое позволяет выделить периоды экономической активности респондента, периоды ее временного прекращения или завершения. Наконец, вся эта информация была дополнена более субъективными сведениями: речь идет об оценке индивидом своего жизненного пути. Этот подход был впервые предложен в 2001 г. в исследовании *Biographies et Entourage* (Биография и среда. Авторы – Лельевр и Вивье. 2001). Респондентам предлагалось разделить свою жизнь на “хорошие” и “плохие” периоды, как в общем смысле, так и с

точки зрения материального благополучия. Наконец, выявление “знаковых” событий в биографии должно было помочь обнаружить возможные поворотные моменты.

Е.Ф.: После заполнения биографической таблицы интервьюер переходит к “закрытым” вопросам, разбитым на несколько блоков. Могли бы вы рассказать об их содержании? Возьмем для примера блок, посвященный пространственным аспектам идентичности.

Ф.Г.: С помощью “закрытых” вопросов невозможно, конечно, выявить все многообразие смыслов и значений, придаваемых индивидом тем или иным местностям, но можно попытаться рассмотреть проблему привязанности к месту. Пространственный блок анкеты, помимо фиксации мест, где респондент жил в различные периоды, включал вопросы о субъективном чувстве происхождения из той или иной местности, о наличии планов, связанных с переменой места жительства, а также вопрос о том, где опрашиваемый хотел бы обрести последний приют.

Для иммигрантов и их потомков в анкете предусмотрены традиционные вопросы: нынешнее гражданство (в соответствующих случаях также дата его получения, прежнее гражданство или гражданства), место рождения, гражданство супруга (и), место рождения и гражданство по рождению обоих родителей. Были собраны также другие данные, маркирующие идентичность: разговорный язык в детстве; языки, на которых респондент говорит в определенных обстоятельствах (с супругом, детьми, соседями...), наличие иностранцев среди друзей.

Часть анкеты, посвященная отношениям с другими, позволяет установить связь между ощущением своей принадлежности к группе, различными способами самоидентификации и возможными причинами дискриминации. В целом этот подход выходит за рамки привычных категорий анализа иммигрантского населения, так как он учитывает не только комплекс индикаторов идентичности, которые рассматриваются к тому же в хронологической перспективе, но и комплекс субъективных представлений, позволяющих судить о том, как индивид воспринимает свое происхождение и жизненную историю.

Е.Ф.: Вы упомянули о том, что вопросник включал в себя также раздел, посвященный внешним факторам формирования идентичности. Какие исследовательские задачи вы ставили в этом разделе?

И.В.: Третий раздел вопросника был направлен на выяснение возможного влияния идентичностей, приписываемых индивиду окружающими на основании тех или иных объективных характеристик (происхождения, языка, имени, цвета кожи, роста или веса, физических недостатков, политических или религиозных убеждений, сексуальной ориентации и прочее), на его отношения с другими (индивидами или общественными учреждениями), а также на возникновение ощущения отторжения или дискриминации.

Е.Ф.: Каким образом все эти фрагменты – жизненные истории, самоидентификации, объективная принадлежность к различным группам или категориям, взгляды со стороны – вы соединяете в единый ансамбль, формируя представление о личности как целом?

Ф.Г.: В заключительной части анкеты мы пытаемся выстроить иерархию различных составляющих идентичности, исходя из субъективного осознания респондентом их важности. Вторая задача – выяснить, осознает ли себя опрашиваемый всегда одинаковым образом, или же его представление о себе меняется в различных жизненных ситуациях. Наконец, в завершение опроса респонденту предлагается серия рисунков (линии восходящие и нисходящие, горизонтальные, прерывистые, лестница и пр.), символически изображающих возможные жизненные траектории, среди которых нужно выбрать тот рисунок, который наилучшим образом описывает жизнен-

ный путь опрашиваемого. Затем следует открытый вопрос, позволяющий объяснить сделанный выбор.

И.В.: Оригинальность методики состоит в том, что она дает возможность описать индивида одновременно через призму его жизненной истории, его социальных ролей, его представлений о себе как о личности и, наконец, восприятия его окружающими. Однако ограничиться рассмотрением каждого из этих четырех дополняющих друг друга регистров в отдельности было бы недостаточно. Основная задача исследования состояла как раз в выявлении взаимосвязей между ними. При этом в большей мере, чем объективные социальные характеристики опрашиваемых, нас интересовали разнонаправленные процессы, влияющие на формирование их индивидуальных идентичностей.

Примечания

¹ Партнерами Национального статистического института в этом исследовании были: Национальный институт демографических исследований, Центр исследований медицины, науки, здоровья и общества, Министерство труда, социальных проблем и солидарности, Министерство культуры и Городская межведомственная комиссия.

² Двадцать два интервью были взяты в 2000 г. Среди опрошенных – 11 мужчин и 11 женщин в возрасте от 23 до 92 лет (средний возраст – 55 лет). Отбор респондентов для интервью осуществлялся с таким расчетом, чтобы подобрать лиц с разнообразными и более или менее сложными жизненными траекториями, включая родившихся за границей. В сборе интервью принимали участие студенты-географы из университетов Париж-1 и Париж-7.

Литература

Auge 1986 – *Auge M.* Un ethnologue dans le metro. P., 1986. P. 8.

Dubar 2000 – *Dubar C.* La crise des identites: l'interpretation d'une mutation, P., 2000.

Maalouf 1998 – *Maalouf A.* Les identites meurtrieres. Ed. Grasset, P., 1998. P. 33.

Perec 2000 – *Perec G.* Espaces d'espaces. Ed. Galilee, P., 2000. P. 15–16.

*Перевод с французского
Е.И. Филипповой*

E.I. Filippova. An Interview with France Guérin-Pace and Isabelle Ville

The interview is a conversation about ideological and methodological principles of “Histoire de vie”, a large-scale statistical research conducted in France in 2003. The participants discuss the connection between the identity formation processes and social integration processes, which are interpreted as the internal and external manifestations of the process by which a person finds his or her place in society. The integration issue, which is often considered primarily in its connection to immigrants, is now posed in the broader context of various categories of the population that experience difficulties with self-definition.